

РОЛЬ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ КИТАЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Цель исследования состоит в описании внешнеполитической стратегии Китая в Центральной Азии. В статье проясняется роль экономических и внутривнутриполитических факторов в формировании политики КНР в регионе. Новизна исследования заключается в том, что впервые в исторической парадигме рассматривается последовательность внешнеполитической стратегии Китая на современном этапе развития стран региона. В результате было определено, что дипломатия Китая опирается на известные принципы сотрудничества, в качестве основы использует созданные международные механизмы, а главным средством реализации стратегии Китая является расширение экономического влияния КНР. При этом важным аспектом является зависимость стабильности северо-западных регионов Китая от ситуации в Центральной Азии.

Ключевые слова: внешнеполитическая стратегия, Шанхайская организация Сотрудничества, Центральная Азия, региональная безопасность.

Введение. Находясь под влиянием разных геополитических факторов Центральная Азия, продолжает страдать от внутренней нестабильности и территориальных конфликтов, что проявляется в определенной степени непредсказуемости и уязвимости политических, экономических и социальных отношений Центральных стран. В течение долгого времени этот регион остается крайне нестабильным из-за напряженной политической и военной ситуации в Афганистане. Однако усилия международного сообщества по уменьшению конфликтов в этом регионе принесли лишь частичные результаты. А рост влияния великих держав на Центральную Азию, с одной стороны, привел к новым рискам нестабильности и возможностям возник-

новения новых конфликтов, с другой стороны, проявились возможности для мирного развития, укрепления безопасности и поддержания стабильности [17. С. 2]. Так, **актуальность** данного исследования определяется значимостью Центральной Азии как важного региона на границе Европы и Азии, места пересечения интересов великих держав и одновременно очагом нестабильности на границах Китая и России. На наш взгляд, историческая перспектива в анализе усилий Китая по развитию своей дипломатической стратегии в этом регионе позволяет глубже понять перспективы формирования общей для России и Китая системы региональной стабильности в Центральной Азии.

Для осмысления сущности внешнеполитической стратегии Китая, воплощенной в конкретных действиях в экономической сфере и в области региональной безопасности в статье применяются следующие **методы** исследования: метод анализа и синтеза теоретических источников, причинно-следственный анализ связей между историческими событиями, и типологизация.

Теоретической базой исследования, наряду с трудами, связанными с изучением проблем Центральной Азии, В.В. Наумкии, А.Д. Богатуров главным образом затрагивали вопросы безопасности в Центральной Азии с точки зрения противостояния великих держав. Звягельская И.Д. анализировала потенциальные угрозы и конфликты в Центральной Азии. Жуков С.В изучил экономические выгоды и политические гарантии, которые дает ШОС. Китайские исследователи Чжао Хуашэн, Сунь Чжуанчжи, Дан Ян, Гао Яньсюнь и Ли Шуинь провели углубленное исследование экономического и политического развития Китая в связи с принципами дипломатической стратегии Китая в Центральной Азии и изучением вопросов безопасности в Центральной Азии.

Следует подчеркнуть, что в работах многих российских и китайских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [4; 5; 9; 12; 13; 14; 15; 16].

Однако проблему, связанную с внешнеполитической стратегией Китая в Центральной Азии, нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Практическая значимость исследования заключается в том, что раскрываемая в статье сущность внешнеполитической стратегии Китая может способствовать процессу прогнозирования состояния безопасности и стабильности в среднеазиатском регионе. Полученные результаты также могут быть использованы в практических курсах по регионоведению, современной истории и политологии.

Роль Китая в Центральной Азии. Китай как одна из больших держав, которые имеют свои геополитические интересы в Центральной Азии, ис-

пользует экономические средства, в частности, инвестиции и торговлю. С одной стороны, это способствует развитию и модернизации самого Китая, и Председатель КНР Си Цзиньпин придает большое значение процветанию и стабильности региональному экономическому сотрудничеству [22. С. 67]. С другой стороны, Китай использует и дипломатические средства, а внешне-неполитическая стратегия Китая основана на гармоничном соразвитии с соседними странами для обеспечения политической и экономической стабильности. Стабильность в Центральной Азии связана с экономическими интересами Китая, и напрямую влияет на безопасность и экономическое развитие Синьцзяна. Поэтому Китай в своей внешней политике активно развивает отношения с государствами Центральной Азии, особенно тесным является сотрудничество в области безопасности и стабильного развития региона.

Внешнеполитическая стратегия Китая в Центральной Азии заключается в содействии сотрудничеству в области экономической безопасности в рамках инициативы «Пояс и Путь» и в рамках ШОС как в экономической сфере, так и в области безопасности, при этом эти два направления функционально дополняют друг друга. Выступление Си Цзиньпина на видеосаммите, посвященном 30-летию установления дипломатических отношений между Китаем и пятью странами Центральной Азии. Си Цзиньпин для продвижения этого формата сотрудничества выдвинул пять предложений:

1) Углубление добрососедских и дружественных отношений, что подразумевает решительное противодействие вмешательству во внутренние дела других стран под предлогом соблюдения прав человека.

2) Создание зоны сотрудничества для качественного всестороннего развития, что предполагает в том числе сотрудничество в области электронной торговли между Китаем и странами Центральной Азии, ускорение проекта строительства железной дороги Китай-Кыргызстан-Узбекистан и сотрудничество в таких высокотехнологичных областях, как искусственный интеллект, большие данные и облачное программирование.

3) Укрепление «защитного щита» для сохранения и поддержания мира, что проявляется в поставках вакцины и противоэпидемических медицинских материалов и в создании Китайско-Среднеазиатского альянса в области здравоохранения.

4) Создание поликультурной семьи народов, что проявляется в необходимости ускорить создание культурных центров, активном проведении диалога по сохранению культурного наследия, продолжении обменов на уровне аналитических центров и средств массовой информации, а также проведении форумов гражданской дружбы между Китаем и странами Центральной Азией.

5) Поддержание мира и развития, в связи с чем, в ближайшие три года Китай предоставит странам Центральной Азии бесплатную помощь в раз-

мере 0.5 млрд долларов США для реализации инфраструктурных проектов и для продвижения научного обмена [24].

Внешнеполитическая стратегия Китая в отношении Центральной Азии всегда основывалась на пяти принципах мирного сосуществования, установленных в 1954 году, а именно: взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, ненападение, невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство и взаимная выгода, а также мирное сосуществование. После реформ и открытости в конце XX века во внешней политике КНР все больше внимания уделялось национальным интересам, а отношения сотрудничества устанавливались и развивались на основе признания суверенитета и взаимопонимания с другими странами для достижения взаимной выгоды и проведения взаимовыгодной внешней политики [23. С. 4].

Далее мы провели анализ трех ситуаций в области национальной безопасности, с которыми столкнулась Центральная Азия, внутренние и внешние кризисы, с которыми столкнулась страны Центральной Азии с момента обретения независимости, а также факторы, влияющие на стабильное развитие национальной безопасности.

Три этапа формирования системы региональной стабильности в Центральной Азии. Мы разделили проблемы и кризисы в области безопасности, с которыми столкнулись пять Центральных стран после обретения независимости, на три периода в соответствии с их историческим развитием:

Первый этап – с 1991 по 2000 год. С распадом Советского Союза в начале 1990-х годов влияние России, которая столкнулась с экономическими и внутривнутриполитическими проблемами, уменьшилось. Пять Среднеазиатских стран стали независимыми и начали формировать независимую дипломатическую систему. Но продолжающаяся гражданская война в соседнем Афганистане и осложнение геополитической ситуации вокруг Афганистана стали дестабилизирующим фактором. В новом столетии США и НАТО использовали вооруженную интервенцию в Афганистане для продвижения своих интересов в Центральной Азии, а Россия также не желала уступать зону своего влияния в регионе, что привело к усилению конкуренции между великими державами [25. С. 2]. При этом экономическая ситуация независимых стран Центральной Азии находилось в тяжелом положении, по-прежнему, существовало много проблем в установлении стабильной политической системы, что проявлялось в постоянной борьбе за власть и влияние между президентом и парламентом. На данном этапе главной национальной задачей среднеазиатских республик являлось укрепление приобретенного суверенитета и независимости.

В этот период основными угрозами региональной безопасности были сепаратистские организации и исламистские экстремистские силы. В Таджикистане даже разгорелась многолетняя гражданская война из-за вооруженного захвата власти Партией исламского возрождения, и только

в 1997 году усилиями России, Ирана и других стран удалось добиться национального примирения. В связи с эскалацией гражданской войны в Афганистане в конце 1990-х годов усилилась значимость движения Талибан, последователи которого продвинулись к границам стран Центральной Азии. Террористические силы, представленные «Исламским движением Узбекистана», проникли в страны Центральной Азии, создавая серьезную угрозу безопасности в регионе [25].

На данном этапе независимая политическая система и дипломатия стран Центральной Азии балансировали на грани краха. Как отметил профессор С. Хоффман: «За последние 10 лет многие страны, особенно те, которые родились в движении за деколонизацию, продемонстрировали такие качества, которые позволяют назвать их не более чем «псевдо государствами». У них отсутствовали либо стабильные государственные институты, либо внутренняя сплоченность и национальное самосознание. В этом десятилетии основным источником напряженности в международных отношениях стал системный конфликт между формированием национальной системы управления и процессом экономической, культурной и политической интеграции, а именно глобализацией» [28. С. 163]. С учетом понимания термина «псевдогосударство» можно сказать, что Кыргызстан является такой страной, так как на протяжении всей своей истории киргизский народ не имел собственного «национального государства». С момента обретения Кыргызстаном независимости формирование политической системы и нового национального государства шел очень медленно, мы наблюдали движение в области создания национальной идеологии, но все эти тенденции сталкивались с серьезными проблемами [28. С. 133].

Второй этап – с 2001 по 2010 год. В этот период страны Центральной Азии пережили серьезные политические потрясения. Например, киргизы все еще не достигли своей национальной идентичности, и можно сказать, что население этой страны все еще находилось на стадии племенной идентичности. Что касается вопроса разделения Кыргызстана на север и юг, некоторые исследователи анализировали причины этой проблемы с точки зрения распределения власти между севером и югом и вопросов экономического развития, однако нам кажется, что глубинная причина заключается в том, что между севером и югом существовал «зона племенного раскола», которая в какой-то степени относится к «историческому и культурному разлому». В 2000 году город Ош на юге Кыргызстана был назначен второй столицей, но конфликты между севером и югом в Кыргызстане по-прежнему усугублялись. Например, беспорядки в Желалабаде в 2002 году и террористические акты в августе 2019 году в Кыргызстане отражали имеющийся раскол между национальными элитами на севере и юге страны [28].

Несмотря на то, что экономика стран Центральной Азии в этот период показала тенденцию к восстановлению и росту, а некоторые страны, напри-

мер, Казахстан благодаря своим богатым нефтяным ресурсам показал экономического быстрого роста, серьезное социальное разделение по-прежнему приводило к потенциальным угрозам стабильности среднеазиатских стран. Из-за реальных вызовов «цветных революций» различные страны усилили политические ограничения в отношении оппозиции и неправительственных организаций с западным происхождением, но внутренние противоречия и коррумпированность тех, кто находится у власти, по-прежнему вызывали общественное недовольство. К примеру, в Кыргызстане дважды за этот период, в 2005 и в 2010 г, вспыхивали политические беспорядки. Первые президенты, А. Акаев и К.С. Бакиев, пришедшие к власти после «революции тюльпанов», были вынуждены отправиться в изгнание [29. С. 147].

Третий этап – с 2011 по 2022 год. Этот период отличается увеличением разрыва в социально-экономическом развитии пяти среднеазиатских стран. Считается, что при авторитарном режиме правления передача власти может привести к неизвестным рискам. Так, после скоростной кончины президента Узбекистана, А. Каримова, режим плавно перешел в руки его преемника Ш.М. Мирзиёева и, хотя на момент передачи власти в Узбекистане не произошло беспорядков, оставались риски их возникновения. Первый президент Казахстана Н. Назарбаев внезапно объявил о своей отставке, передал пост президента К.К. Токаеву и установил традицию передачи власти, что проявилось в серьезных волнениях в Казахстане в начале 2022 года [11].

В этот период политическая трансформация стран Центральной Азии вступила в новый этап, различные угрозы безопасности продолжали появляться, и ценность поддержания стабильности в стране резко возросла. Некоторые исследователи полагают, что политическая безопасность Центральной Азии зависит от эффективности правящих властей в решении трех основных проблем: межэтнических отношений, распределения общественных богатств и построения национальной системы управления. Если власти не могут справиться с борьбой с экстремистскими силами, то это ставит под угрозу всю политическую стабильность и может привести к разрушению региональной безопасности [26].

Некоторые ученые также отмечали, что смена лидеров лишь показала, что Центральная Азия вступила в новый цикл политического развития, но при этом авторитарные атрибуты политических режимов не изменились [18]. По сравнению с западными странами, такими как Соединенные Штаты, экономическое и социальное развитие Центральной Азии значительно отстает. Простые люди не отличаются высокой степенью политической культуры в области демократии, и вероятность формирования политической системы западного образца слишком мала [30]. При этом по сравнению с исламским миром, страны Центральной Азии имеют светское государственное устройство [19. С. 150]. Мы полагаем, что на современном этапе смена политических лидеров не вызовет политической трансформации

внутри страны, не приведет к вооруженным столкновениям и конфликтам, подобным тем, что происходили сразу после приобретения независимости.

Еще одним внешним фактором, существенно влияющим на поддержание безопасности в Центральной Азии, является рост религиозного экстремизма и усиление влияния международных террористических организаций [20. С. 38]. После теракта 11 сентября силы Соединенных Штатов и НАТО нанесли серьезный удар по Талибану и Аль-Каиде, лишив их возможности поддерживать международные террористические силы, такие как «Исламское движение Узбекистана». Однако нетрадиционные вызовы безопасности, такие как контрабанда наркотиков и транснациональная организованная преступность, стали новыми угрозами безопасности Центральной Азии [31. С. 179]. При этом понесший серьезные потери Талибан не был ликвидирован полностью, это движение превратилось в потенциальную угрозу безопасности Центральной Азии. В 2010 году экстремистская организация «Бойцы халифата» (Jundal-Khilafah) совершила ряд нападений в Казахстане, и можно сказать, что уровень террористической опасности в Центральной Азии не снизился. Кроме того, экстремисты с Ближнего Востока постепенно возобновили свою агитационную деятельность в Центральной Азии [32].

Многие ученые подчеркивают, что «талибанизация» является серьезным вызовом для безопасности в Центральной Азии [33]. В 2011 году американские военные убили лидера Аль-Каиды Усаму бен Ладена, но ситуация с безопасностью в Афганистане не улучшилась. Также и в странах Центральной Азии, несмотря на усилия по поддержанию внешней безопасности и стабильности, реальные и потенциальные проблемы по-прежнему не устранены [29. С. 148]. Кроме того, продолжают возникать проблемы, связанные с торговлей наркотиками и транснациональной организованной преступности. Этнические отношения, рост численности населения, экологические, как например, доступность пресной воды, и другие проблемы также становятся все более серьезными, и они также являются потенциальной опасностью для внутренней стабильности стран Центральной Азии.

Внешинополитическая стратегия Китая в Центральной Азии на разных этапах исторического развития национальных государств. В важной внешнеполитической концепции Китая, теории «мира и развития», впервые обнародованной Дэн Сяопином в октябре 1984 г., было заявлено, что двумя «наиболее крупными стратегическими проблемами в современном мире, носящими глобальный характер, являются проблема поддержания мира и наращивания экономического благосостояния». Главное внимание таким образом уделено не военно-политическим, а политико-экономическим аспектам развития международных отношений, что, как представляется, подтверждает тенденцию повышения значимости невоенных аспектов в развитии международных отношений КНР. Анализ внешнеполитических концепций Китая, сформулированных на XVI съезде КПК, дает

четкое понимание того, что Китай намерен твердо придерживаться независимой и самостоятельной мирной внешней политики и развивать дружественные отношения со всеми странами на основе пяти принципов мирного сосуществования и других общепризнанных норм международных отношений [3. С. 4].

С момента обретения странами Центральной Азии независимости принципы внешней политики Китая в отношении стран Центральной Азии были «ориентированы на мирное развитие на макроуровне, с базовой концепцией построения гармоничного региона, где двусторонние отношения рассматриваются в качестве основного столпа, отношения с великими державами – как основной рычаг, а сотрудничество в ШОС – как многосторонняя платформа» [34]. Так, в ходе исторического развития внешняя политика Китая стала играть все более важную роль в обеспечении безопасности в Центральной Азии. Мы проанализировали внешнюю политику Китая в отношении стран Центральной Азии в период вышеуказанных трех этапов в зависимости от стадии развития стран Центральной Азии, уровня двусторонних отношений, изменения стратегических целей России и США в отношении стран Центральной Азии и других факторов.

Первый этап – 1991-2001 годы, можно назвать «этапом формирования». В этот период отношения между Китаем и странами Центральной Азии были сосредоточены на сфере безопасности. Китай, Россия, Таджикистан и Кыргызстан начали переговоры о демаркации границы и разоружении в 1992 году. В 1996 году Китай способствовал созданию механизма «стран шанхайской пятёрки» в качестве официальной институциональной основы для содействия обсуждению смежных вопросов. С момента запуска процесса «стран шанхайской пятёрки» в 1996 году Китай, Россия, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан последовательно подписали «Соглашение об укреплении доверия в военной области в приграничных районах» и «Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в приграничных районах».

Второй этап – 2001-2010 годы – это этап развития. После того, как в 2002 году Китай начал реализацию стратегии «идти вовне» («走出去») [35. С. 385], официально началась широкомасштабная экономическая деятельность КНР в Центральной Азии. С 2002 по 2012 год двусторонняя торговля между Китаем и странами Центральной Азии увеличивалась в среднем на 36,4% в год, что выше, чем среднегодовой уровень роста общего объема международной торговли Китая. Общий объем торговли между Китаем и пятью странами Центральной Азии увеличился с 2,39 млрд долларов США в 2002 году до 50,28 млрд долларов США в 2013 году, что значительно превзошло Россию, которая была основным торговым партнером в регионе [36. С. 289].

В результате мы увидели, что деятельность Китая в среднеазиатском регионе становится все более активной, и его региональное влияние усили-

вается, что отразилось в появлении институциональных организаций, призванных отстаивать экономические интересы и решать связанные с этим проблемы безопасности. В 2001 году организация «стран шанхайской пятерки» превратилась в Шанхайскую организацию сотрудничества, состоящую из девяти стран. После установления базового взаимного доверия между членами ШОС, эта международная организация начала более четко определять свои цели. Основой деятельности организации считается совместная борьба с «тремя силами зла» – терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Конкретные меры включают наращивание потенциала таких учреждений, как Секретариат ШОС в Пекине и Ташкентское региональное антитеррористическое агентство (РАТС). В то же время ШОС в последнее время продемонстрировала более открытую позицию и приняла более широкую повестку политического сотрудничества.

В области сотрудничества в сфере безопасности работа ШОС за последние 20 лет, в основном включает следующие шесть аспектов:

1. Издание основных правовых документов и создание относительно полной правовой системы, что позволило заложить прочную основу для эффективного сотрудничества стран-членов в области безопасности.

2. Утверждение принципа, что новая концепция общей, всеобъемлющей, устойчивой, региональной безопасности должна поддерживаться посредством сотрудничества, а безопасность одной страны не может быть поставлена выше безопасности других стран.

3. Создание относительно полного механизма сотрудничества, который способствует обмену информацией, координации действий правоохранительных органов стран-участниц ШОС, что содействует углубленному развитию сотрудничества в области безопасности в регионе ШОС.

4. Создание специального антитеррористического агентства для координации и содействия обмену информацией по контртеррористическим действиям между государствами-членами.

5. Регулярное проведение антитеррористических учений, которые способствуют поддержанию высокого уровня возможностей по противодействию террористам и повышают антитеррористический потенциал стран-участниц.

6. Укрепление сотрудничества в области обороны границ и содействие осуществлению совместных операций по защите границ между государствами-членами, расширение обмена разведданными.

В рамках Шанхайской организации сотрудничества среднеазиатские страны, Россия и Китай создали многоуровневую систему механизмов сотрудничества в области безопасности, включающую постоянные органы, непостоянные органы и механизмы гражданского общения. Секретариат в Пекине и Региональное антитеррористическое агентство в Ташкенте служат постоянными органами. Также реализованы и другие механизмы

сотрудничества, такие как встречи руководителей правоохранительных органов и служб безопасности, встречи секретарей служб безопасности, встречи министров обороны и встречи министров по чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, совместные военные учения, форумы по обороне и безопасности и т.д. [37].

Третий этап с 2011 года по настоящее время – этап укрепления отношений. Причина, по которой Китай сделал борьбу с терроризмом и экстремизмом главной целью ШОС, отчасти связана с ухудшением ситуации в области безопасности в Синьцзяне [38]. В последние годы постоянно возникали различные проблемы: беспорядки уйгуров в 2009 году привели к гибели почти 200 человек; на площади Тяньаньмэнь произошел теракт «уйгурских террористов» – смертников; теракт в Кашгаре в 2013 году и нападение на железнодорожный вокзал Куньмина в 2014 году были связаны с религиозными экстремистами или синьцзянскими террористами. Все это свидетельствует о том, что давняя напряженность между китайскими правителями и уйгурским населением Синьцзяна усилилась. Ситуация с безопасностью в Синьцзяне по-прежнему остается не полностью решенной, в последние годы было проведено много жестких акций нацеленных на ликвидацию группировок боевиков в Синьцзяне, недалеко от китайско-пакистанской границы. Период усиления роли Китая в области безопасности в Центральной Азии начался в 2016 году с создания механизма контртеррористического сотрудничества и координации четырех армий Афганистана, Пакистана, Афганистана и Таджикистана для борьбы с террористическими силами, такими как «Исламское движение Восточного Туркестана», связанное с Аль-Каидой, а также для защиты безопасности «Китайско-Пакистанского экономического коридора» [21. С. 28].

Российский эксперт И. Фролова объясняет роль четырехстороннего механизма: «Пекин, столкнувшись с угрозой из Афганистана, был вынужден активизировать контртеррористическое сотрудничество со своими соседями по региону. КНР заинтересована в ускорении мирного урегулирования в Афганистане, поэтому, обладая существенным авторитетом в международных делах сегодня, стремится найти такой способ участия в жизни региона, который бы отвечал, как собственным интересам страны, так и интересам его соседей. Среди главных стратегических целей Пекина в оформлении ЧМСК можно рассматривать также его намерение укрепить свои позиции в Южной Азии, поскольку формат взаимодействия Китай – Таджикистан – Афганистан – Пакистан представляет для КНР своеобразную дугу выхода в Индийский океан. Немалое значение имеет стремление Пекина защитить свои экономические инвестиции в Средней и Южной Азии. Например, обеспечить безопасность Китайско-пакистанского экономического коридора, который является важной составной частью инициативы «Пояс и путь» [8].

Во внешнеполитической стратегии Китая в Центральной Азии гармонично сочетаются экономические выгоды и развитие отношений по поддержанию безопасности и стабильности. Чем больше экономические выгоды, тем важнее гарантии безопасности. Когда Си Цзиньпин посетил Центральную Азию в сентябре 2013 года, он предложил концепцию «Экономического пояса Шелкового пути», которая обеспечила политическую основу для более быстрой экономической интеграции Китая в этом регионе. Си Цзиньпин подчеркивает: «Мы должны сосредоточиться на продвижении регионально-го сотрудничества в области безопасности. Китай живет рядом с соседними странами, и осуществлять сотрудничество в области безопасности – это общая обязанность. Мы должны придерживаться новой концепции безопасности и взаимного доверия, взаимной выгоды, равенства и сотрудничества, отстаивать концепции всеобъемлющей, общей и совместной безопасности, поощрять сотрудничество в области безопасности с соседними странами, проявлять инициативу по участию в региональном и субрегиональном сотрудничестве в области безопасности, углублять соответствующие механизмы сотрудничества и укреплять стратегическое взаимное доверие [39].

По мере того как повышалась степень взаимопонимания между Китаем и Центральной Азией, расширялись и сферы совместного сотрудничества. Экономический пояс Нового Шелкового пути, крупномасштабный экономический проект по строительству инфраструктуры, включающий автомобильные, железные дороги, порты и трубопроводы, охватывает большой регион от Центральной Азии до Европы, подчеркивая растущее значение Центральной Азии для Китая.

Центральная Азия является поставщиком энергетических и других ресурсов и одновременно выполняет роль нового рынка для китайского экспорта, кроме того это важный транспортный коридор между Европой и Азией. Стабильность и безопасность Центральной Азии важны для экономических интересов Китая. Таким образом, деятельность Китая в Центральной Азии в основном обусловлена потребностями экономического развития. В частности, Китай продолжает осваивать новые рынки и искать новые ресурсы, в особенно энергоресурсы, для обеспечения высоких темпов роста внутренней экономики.

В то же время на стратегию Китая в отношении Центральной Азии также влияет ситуация в области обеспечения внутренней безопасности. Нестабильность в Центральной Азии может оказать негативное влияние на регион Синьцзян на северо-западе Китая. Китай последовательно проводит политику по искоренению сепаратистских настроений и пресечению деятельности сепаратистских элементов в регионе. При этом политика обеспечения внутренней безопасности Китая предполагает большой объем инвестиций в экономики стран Центральной Азии. Идея заключается в том, что инвестиции могут стимулировать региональное экономическое развитие,

тем самым уменьшая вероятность нестабильности в прилегающих к Синьцзяну районах, что, в свою очередь, ослабляет угрозу его собственной стабильности и территориальной целостности [21. С. 28].

В январе 2022 года в Казахстане произошли масштабные беспорядки, которые поставили под угрозу стабильность государственной власти Казахстана. При этом подобные инциденты уже неоднократно возникали в Центральной Азии, например, в Кыргызстане в марте 2005 года и апреле 2010 года, андийский инцидент в Узбекистане в мае 2005 года, в городе Ош в Кыргызстане в июне 2010 года и в Зана-Озине в Казахстане в декабре 2011 года. Волнения в Казахстане в 2022 году в резкой форме продемонстрировали опасный характер политических потрясений для стран и регионов Центральной Азии. После беспорядков Си Цзиньпин заявил свое твердое несогласие с внешними силами, подстрекающими к беспорядкам и провоцирующими «цветную революцию» в Казахстане, и выразил готовность сделать все возможное, чтобы оказать Казахстану необходимую поддержку. Впоследствии министр иностранных дел КНР Ван И заявил, что Китай готов расширять сотрудничество с Казахстаном в правоохранительной сфере чтобы укрепить двустороннее сотрудничество по противодействию иностранному вмешательству и поддерживать политические системы и политическую безопасность двух стран [40].

Из этого видно, что Китай планирует принятие некоторых новых мер в своей политике в Казахстане. Такого рода политику можно назвать «конструктивным вмешательством», то есть в случае нарушения политической стабильности соседних стран и когда они в этом нуждаются, Китай окажет максимально возможную помощь для исправления кризисной ситуации, при этом соблюдая принцип уважения национального суверенитета и территориальной целостности. Когда беспорядки и хаос внутри страны имеют внешнюю подоплеку и угрожают безопасности страны и региона в целом, конструктивное вмешательство становится еще более актуальным, а также является результатом роста чувства ответственности и способностей Китая как большой страны нового типа [41].

Некоторые западные СМИ поняли «готовность министра иностранных дел Ван И расширить сотрудничество правоохранительных органов с Казахстаном», выраженную министру иностранных дел Казахстана 10 января, как готовность Китая направить войска в Казахстан, как это сделала Россия в рамках ОДКБ. Однако, это мнение далеко от истины. Китайско-казахстанское сотрудничество в области правоохранительных органов и безопасности не является новым предложением, такое сотрудничество началось еще в 2012 году. В последующих китайско-казахстанских совместных заявлениях и декларациях подчеркивалось расширение сотрудничества, например, использование «укрепления» и «расширения взаимодействия правоохранительных органов», поэтому серьезных изменений в архитектуре региональной безопасности не происходило.

Хотя влияние Китая в Центральной Азии возросло, принимая во внимание стратегические цели России в Центральной Азии, Россия по-прежнему играет ведущую роль в Центральной Азии, а влияние и роль Китая в Центральной Азии будут зависеть от определенных ограничений. В настоящее время внешнеполитическая стратегия Китая в Центральной Азии направлена на содействие либерализации и упрощению процедур торговли и инвестиций в рамках ШОС, укрепление взаимосвязи и параллельного развития инициативы «Один пояс – один путь» со стратегиями развития государств-членов и Евразийского экономического союза, а также укрепление новых направлений сотрудничества в дополнение к традиционным области сотрудничества, например развитие цифровой экономики, зеленой энергетики, искусственного интеллекта, проектов в области информации и телекоммуникации, современного сельского хозяйства, трансграничной электронной торговли и т.д. В период пандемии Китай расширил сотрудничество между государствами в борьбе с коронавирусом, чтобы помочь экономическому восстановлению стран после эпидемии. Китай также прилагает все усилия для оптимизации своей торговой структуры с государствами для обеспечения устойчивого развития своей экономики.

Закключение. Таким образом, мы приходим к следующим **выводам**. С развитием внешней стратегии Китая после Дэн Сяопина, она начала развиваться с точки зрения политики и экономики, а под руководством Си Цзиньпина внешняя стратегия Китая постепенно ориентировалась на национальные интересы. Роль внешнеполитической стратегии Китая в Центральной Азии основана на традиционной политике безопасности и стабильности в Синьцзяне, что еще больше способствовало внешнеэкономической политике «Один пояс, один путь» и в то же время способствовало экономическому развитию соседних стран и сопровождается эффективным обеспечением безопасности организаций. В условиях распространения коронавируса и новой геополитической ситуации во внешней среде, с которой сейчас сталкивается Китай, учитывая устойчивость внутреннего социально-экономического развития и продвижение проектов в рамках инициативы «Один пояс, один путь», перед китайским руководством стоит много задач, которые необходимо решить, и эти трудности имеют определенные нагрузки и вызовы.

Перспективы дальнейшего исследования. Проблемы мы видим в более детальном изучении, хотя Центральная Азия сложна и нестабильна, существуют внутренние кризисы смены режима и внешние террористические угрозы, а ее экономическое развитие и вопросы безопасности затруднены. Учитывая, что Россия всегда доминировала в вооруженных силах Центральной Азии, роль Китая в безопасности Центральной Азии ограничена. Однако по мере роста экономического влияния Китая в Центральной Азии нельзя игнорировать его роль в обеспечении безопасности, и Китай также

возьмет на себя больше ответственности в Центральной Азии для достижения региональной стабильности, мира и развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Акимбеков С.М.* Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии. Алматы, 2003.
2. *Богатуров А. Д., Дундич А.С., Коргун В.Г.* Международные отношения в Центральной Азии: События и документы: Учеб. М43 пособие для студентов вузов / А.Д. Богатуров, А.С. Дундич, В.Г. Коргун и др.; отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2011.
3. *Голобоков А.С.* Становление и развитие внешнеполитической доктрины Китая // Мировая система и межрегиональные отношения. Ойкумена. 2010. № 3.
4. *Дроздов И.А., Рахман Хашими М.М., Федоров А.В., Шарагина А.Д.* Фактор экономического влияния КНР во внутренней и внешней политике Казахстана // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 4 (80).
5. *Дуань Жань.* Взаимодействие КНР со странами Центральной Азии в области безопасности в рамках ШОС // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 11 (75).
6. *Жуков С.В., Резникова О.Б.* Учреждение Российской акад. наук, Ин-т мировой экономики и международных отношений РАН. Москва: ИМЭМО РАН, 2009.
7. *Звягельская И.Д.* Становление государств Центральной Азии; политические процессы. М.: Аспект пресс, 2009 г.
8. Китай и его роль в безопасности в Центральной Азии // <https://stanradar.com/news/full/39288-kitaj-i-ego-rol-v-bezopasnosti-v-tsentralnoj-azii.html>.
9. *Красавин Д.В., Попов Д.Г.* Аналитические центры в постсоветских странах Центральной Азии – особенности восприятия векторов внешней политики (на примере проектов ЕАЭС и «Один пояс – один путь») // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 6 (70).
10. *Наумкин В.В., Линке П.* Годы, которые изменили Центральную Азию / Рук. проекта: В.В. Наумкин, П. Линке; отв. ред. И.Д. Звягельская. М.: Ив РАН, ЦСПИ, 2009.
11. Назарбаев уходит в отставку: «президент-основатель» Казахстана выступил с инициативой отречения от престола // BBC // <https://www.bbc.com/zhongwen/simp/world-47636106>.
12. *Тахир Мохаммад Тахир, Эршад Ахмад Сияр.* Геополитические последствия трансформации афганской государственности после прихода к власти талибов для стран Центральной Азии (Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана) // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 2 (78).
13. *Хо Дун.* Политические аспекты сотрудничества Китайской Народной Республики и Российской Федерации в сфере безопасности в рамках ШОС // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 4 (80).

14. Цзюнь С., Цюжунь Ц. «Мягкая сила» Китая в Центральной Азии в 2010-2020 гг. // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 12 (81).

15. Чжан Ваньтин, Любина Д.Е. Вопросы обеспечения безопасности в Центральной Азии в контексте развития инициативы «Один пояс – один путь»: освещение событий в Казахстане китайскими СМИ // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2022. Т. 11. № 1 (41).

16. Чжао Лу. Внешнеполитическая стратегия Китая в контексте трансформации современного международного порядка // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 6 (70).

17. Central Asia at a crossroads: Russia and China's changing roles in the region and the implications for peace and stability. London: Saferworld, 2015.

18. Koch N. "Disorder over the border: spinning the spectre of instability through time and space in Central Asia" // Central Asian Survey. 2018. No 1.

19. Mariya Y. Omelicheva Islam and power legitimization: instrumentalisation of religion in Central Asian States 2016 // Contemporary Politics. 2016. No 2.

20. Niklas Swanström. "Traditional and Non-Traditional Security Threats in Central Asia: Connecting the New and the Old" // China and Eurasia Forum Quarterly. 2010. Volume 8. No. 2.

21. Vassilyev Yevgeny. Central Asia at the Crossroads, Saferworld. 2003. No 1.

22. 刘艳, “丝绸之路经济带”语境下的中国中亚安全合作 新疆社会科学2015年第5期. (Лю Янь, Сотрудничество Китая в области безопасности в Центральной Азии в контексте «Экономического пояса Шелкового пути». Синьцзянские общественные науки. 2015. № 5.

23. 李晓伟, 中国的和平发展与中亚安全合作. 昆明大学学报2007, 18 (1) : 4-8页. (Ли Сяовэй, Сотрудничество Китая в области мирного развития и безопасности в Центральной Азии. Журнал Куньминского университета 18(1): 2007).

24. 习近平主持中国同中亚五国建交30周年视频峰会. 人民网. (Си Цзиньпин председательствовал на видео-саммите, посвященном 30-летию установления дипломатических отношений между Китаем и пятью странами Центральной Азии // Жэньминь Жибао // <http://politics.people.com.cn/n1/2022/0126/c1024-32339694.html>.

25. 孙壮志, 阿富汗变局后的中亚安全: 大国博弈与地区合作. 俄罗斯东欧中亚研究, 第1期, 2022年. 2-15页. (Сунь Чжуанчжи, Безопасность в Центральной Азии после перемен в Афганистане: Игра великих держав и региональное сотрудничество // Российские исследования по Восточной Европе и Центральной Азии. 2022. Выпуск 1).

26. 孙壮志等: «中亚国家的政治体制已经拉开了差距» 载 «世界知识» 2016年第 20 期/中亚安全再认识: 威胁与保障. (Сунь Чжуанчжи и др.: «Политическая система стран Центральной Азии увеличила разрыв» в «Мировом знании» 2016 № 20 // Переосмысление центральноазиатской безопасности: угрозы и гарантии).

27. 但杨、潘志平:《中亚安全形势分析及其影响》<http://zgyl.lzu.edu.cn/info/1087/4049.htm> (Дан Ян, Пан Чжипин: «Анализ ситуации с безопасностью в Центральной Азии и ее влияние»).

28. 潘志平,《亚洲腹地地缘政治文化研究文集》,乌鲁木齐:新疆人民出版社,2011年,第233页。(Пань Чжипин. Сборник геополитических и культурных исследований во внутренних районах Азии. Урумчи: Синьцзянское народное издательство, 2011).

29. 高焱迅,中亚安全再认识:威胁与保障. 2022. (Гао Чжисюнь. Переосмысление безопасности в Центральной Азии: угрозы и гарантии. 2022 г.) 高焱迅,俄罗斯东欧中亚研究,2022年第2期 147页.

30. 包毅,《中亚国家政治发展进程中的政治稳定与政治危机》,载《俄罗斯东欧中亚研究》第1期.2016年.(Бао И. Политическая стабильность и политический кризис в процессе политического развития стран Центральной Азии», в первом выпуске «Российских исследований по Восточной Европе и Центральной Азии». 2016 г.).

31. 赵常庆,《中亚五国新论》,昆仑出版社 2014 年版,第 179 页.(Чжао Чанцин. «Новая теория о пяти странах Центральной Азии». Издание издательство «Куньлунь». 2014 г.).

32. 苏畅,《论中亚安全威胁因素的集聚效应》,载《俄罗斯东欧中亚研究》. 第 1 期,2018年.(Су Чанг. «Об агломерационном эффекте факторов угрозы безопасности в Центральной Азии», в «Исследованиях по России, Восточной Европе и Центральной Азии». 2018. Выпуск 1).

33. 朱永彪,《阿富汗塔利班的现状与困境》,载《东南亚南亚研究》. 第 4 期,2013年.(Чжу Юнбяо. «Текущая ситуация и затруднительное положение афганских талибов», в «Исследованиях Юго-Восточной Азии и Южной Азии». 2013. Выпуск 4).

34. 赵华胜. 中国的中亚外交 [M]. 北京:时事出版社,2008年.(Чжао Хуашэн. Центральнаяазиатская дипломатия Китая [M]. Пекин: Издательство «Текущие дела», 2008 г.).

35. 江泽民,《关于社会主义市场经济》. 北京:人民文学出版社,2006年,第385页。(Цзян Цзэминь. «О социалистической рыночной экономике». Пекин: Издательство Народной литературы, 2006).

36. 商务部国际贸易和经济合作组织(CAITEC), 对外贸易和经济白皮书,2003年,第289页。(Организация международной торговли и экономического сотрудничества Министерства торговли (CAITEC) // Белая книга по внешней торговле и экономике. 2003).

37. 丁晓星,上合组织地区安全角色日益凸显 https://www.sohu.com/a/489903665_162522 (Дин Сяосин: Роль региона ШОС в области безопасности становится все более заметной).

38. 中国西部新闻网 (2015年),《自治区党委召开政法工作会议》. www.xjfb.com/contents/6/69349.html (Network (2015), «Партийный комитет Автономного района провел Политико-правовую China Western News рабочую конференцию»).

39. 习近平在周边外交工作座谈会上发表重要讲话, http://www.xinhuanet.com/politics/2013-10/25/c_117878897.htm (Си Цзиньпин выступил с важной речью на симпозиуме по периферийной дипломатической работе).

40. 王毅同哈萨克斯坦副总理兼外长特列乌别尔季通电话 外交部https://www.mfa.gov.cn/wjbzhd/202201/t20220110_10480593.shtml (Ван И провел телефонный разговор с заместителем Премьер-министра и министром иностранных дел Казахстана Треубелти, Министерство иностранных дел).

41. 赵华胜: 现阶段中国发展上海合作组织的路径<http://chn.sectsc.org/news/20220507/835657.html> (Чжао Хуашэн: Путь Китая к развитию Шанхайской организации сотрудничества на данном этапе).

WANG YU

PhD student,

Kazan (Volga Region) Federal University,

Kazan, Russia

ERSHAD AHMAD SIYAR

PhD Student, Kazan (Volga Region)

Federal University, Kazan, Russia

THE ROLE OF CHINA'S FOREIGN POLICY STRATEGY IN ENSURING SECURITY IN CENTRAL ASIA

The purpose of the study is to describe China's foreign policy strategy in Central Asia. The article clarifies the role of economic and domestic political factors in shaping China's policy in the region. The novelty of the study lies in the fact that for the first time in the historical paradigm, the sequence of China's foreign policy strategy at the present stage of development of the countries of the region is considered. As a result, it was determined that China's diplomacy relies on well-known principles of cooperation, uses established international mechanisms as a basis, and the main means of implementing China's strategy is the expansion of China's economic influence. At the same time, an important aspect is the dependence of the stability of the north-western regions of China on the situation in Central Asia.

Key words: *foreign policy strategy, Shanghai Cooperation Organization, Central Asia, regional security.*